

**Лидия Александровна Николаева:
«Я жила в Ленинграде в декабре 41-го года...»**

(1926–2020)

11 мая 2020 г. ушла из жизни **Лидия Александровна Николаева** – заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, доктор геолого-минералогических наук, основавшая известную во всем мире школу прикладных исследований типоморфных признаков золота.

Лидия Александровна Николаева носила ещё одно высокое звание – Житель блокадного Ленинграда. Как и все ленинградцы, разделившие её судьбу, Лидия Александровна не могла забыть дни, проведённые в осаждённом городе. Мысленно вновь и вновь возвращалась к пережитому. О том времени она написала стихи, похожие на исповедь. В созданном ею поэтическом цикле «Блокада» всего несколько стихотворений: «Хлеб», «Вода», «Тепло», «Как это было», «Сон», «Память».

Долгое время говорить всю правду о блокаде было не принято.

*«... О ней и теперь бояться слушать,
И стоит лишь вспомнить о 41-м:
“Зачем травмировать детские души?
У них и так расшатаны нервы”...»*

Но огромное число людей, конечно, не согласится с подобной точкой зрения. У нас, ныне живущих,

есть долг памяти, мы храним как святыню свидетельства участников военных событий. И осознаём реальную опасность забвения: незнание трагедии Ленинграда и других страшных страниц Второй Мировой войны многократно повышает вероятность разжигания новых войн.

*«Предавать забвенью – предать
Так спокойно и бессердечно
И меня спасавшую мать,
И отца, ушедшего в вечность.*

*Всех, кто в братских могилах лёг,
Тех детей, что хлеба хотели,
Кто со льда подняться не смог,
Кто остался в мёрзлой постели...»*

Ленинград – родной город Лидии Александровны Николаевой. Она родилась 24 февраля 1926 г. в потомственной семье геологов. Когда началась Великая Отечественная война, ей было всего шестнадцать лет. Девятиклассница Лида мечтала о том, как через два года поступит в Ленинградский горный институт, пойдёт по стопам отца. Александр Васильевич Николаев работал старшим научным сотрудником в аналитической лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ), вёл совместные исследования с В.Е.Ферсманом, был хорошо знаком с В.И.Вернадским. Лидии Александровне запомнились дружеские встречи коллег отца в их доме, оживлённые разговоры о науке, о литературе – счастливые картины довоенного времени.

После первых налётов немецкой авиации в школе Лидии организовали пожарную дружину, и в 1941–1942 гг. старшеклассники выходили по ночам на дежурство, тушили зажигательные бомбы на крышах, защищая школу и окружающие здания. Николаева была заместителем командира дружины.

*«Я бомбежек тогда с замиранием сердца боялась,
Но не так, чтоб в убежище вдруг по тревоге уйти:
От ночного дежурства такая косила усталость,
Что могла бы я где-то спокойно уснуть по пути...»*

В осаждённом городе таяли запасы продовольствия и топлива. Наступили дни блокады. Страшную зиму 1941–1942 гг. семья Николаевых пережила

в Ленинграде. Весной их эвакуировали в город Будён-новск Ставропольского края. В пути отец умер. Александру Васильевичу не довелось узнать, что дочь окончит Московский Геологоразведочный институт и станет всемирно известным минералогом.

В 1950 г. выпускница МГРИ Л.А.Николаева получила распределение в Научно-исследовательский геологоразведочный институт золота (НИГРИЗолото), переименованный в 1947 г. в Центральный научно-исследовательский институт цветных и благородных металлов (ЦНИГРИ), где она проработала 60 лет. 11 мая 2020 года Лидии Александровны не стало.

*«Это и больно, это и просто:
Порвана нить...
Я не вернусь на Васильевский остров
Ни умирать, ни жить...»*

Стихи-воспоминания Лидии Александровны Николаевой о Ленинграде впервые увидели свет на страницах её авторского сборника «Цнигриада», который был издан в ЦНИГРИ в 2000 году. В год 75-летия окончания Великой Отечественной войны многие читатели впервые прочтут поэтический цикл «Блокада». Это живая память о безмерной цене, которой оплачена Победа нашего народа в войне с нацистской Германией.

КАК ЭТО БЫЛО

Я верю – люди договорятся,
Вырваться ядерный вихрь не посмеет!
Не будет долго всемирного братства –
Всеобщий мир наступит скорее.

Меж миллиардов людей живущих,
Среди всей информационной клады,
Осядут в забытой печатной гуще
Несколько книг об одной блокаде.

О ней и теперь боятся слушать,
И стоит лишь вспомнить о 41-м:
«Зачем травмировать детские души?
У них и так расшатаны нервы!»

Узнаете вы из фраз расхожих
О стойкости, мужестве и страданиях,
И все это правдою будет. Но всё же
Полной, живую правдой не станет.

Лучшие летописцы блокады,
Познав все величье тех дней тревожных,
Решили, что вслух говорить не надо
Того, что вынести невозможно.

ПАМЯТЬ

Безопасно, сытно, тепло ...
Что же душу гложет как голод?
Значит, время не истекло
Предавать забвенью те годы.

Предавать забвенью – предать
Так спокойно и бессердечно
И меня спасавшую мать,
И отца, ушедшего в вечность.

Всех, кто в братских могилах лёг,
Тех детей, что хлеба хотели,
Кто со льда подняться не смог,
Кто остался в мёрзлой постели.

С каждым годом яснее мы
(Кто отрешивается – не верьте!)
Понимаем – из той зимы
Не уйти нам до самой смерти.

В двух мирах сегодня живу
И не знаю, который ближе –
Голод чувствую наяву,
Ледяные сумерки вижу ...

ХЛЕБ

Он в музее лежит. Кусок.
Хлеб насущный надежды нашей.
Почернел и слипся. Усох.
Так он мал, что представить страшно.

Как поддерживал день за днём
Этот ломтик и дух, и силы.
Посмотрите – ведь мы живем,
Мы не все остались в могилах!

Доведётся потом узнать
Из журнальных статей и книжек –
Надо силы не сохранять,
Нужно тратить их, чтобы выжить.

Где копилась силы мои?
Крышу школьную охраняла,
Выкупала хлеб для семьи.
Много этого или мало?

Если вдруг по карточке всем
Выдавали ячменное пиво,
Многовёрстный хвост в темноте
Я выстаивала терпеливо.

Приносила воду я в дом,
Путь короткий и тоже страшный,
Но об этом потом, потом,
А сначала о хлебе нашем.

Комендантский час – до пяти.
Ноги гнутся в коленях туго ...
Чтоб до булочной мне дойти,
Пять домов и ещё за угол.

Каждой спичкою дорожа,
По пролётам скользя широким,
Надо с пятого этажа
В тьме крошечной спуститься к сроку.

Обрастает ступени лед
Коркой толстою на морозе,
Значит – рядом кто-то живет,
Воду невшкую в санках возит.

И, расплёскивая, несёт,
Из последних сил напрягаясь,
А затем ведро нечистот
Тащит вниз, на лёд проливая ...

Это было, когда разучилась смеяться и плакать,
Но, как помнится, радость умела пока ощущать:
Например, доставая махорку со старого шкафа,
Где к поездке в деревню её заготовила мать.

Все война отменила. Махорка же стала валютой.
Посчастливилось клей мне столярный еще отыскать –
Можно так сососать, можно студень сварить (почему-то
На рассказ о еде я сбиваюсь опять и опять!).

Я бомбёжек тогда с замиранием сердца боялась,
Но не так, чтоб в убежище вдруг по тревоге уйти:
От ночного дежурства такая косила усталость,
Что могла бы я где-то спокойно уснуть по пути.

От удара снаряда душа опускалась пониже;
Если близко взрывался, я падала даже на снег,
Но среди мёртвых ходила, как будто бы их и не вижу,
Словно это сугроб, а не павший лежит человек ...

И по утру, за хлебом в поход отправляясь привычно,
В темноте проверяя ногой осторожно ступень,
Поняла, что наткнулась на труп. И потратила спичку,
Чтоб, увидев однажды, не тратить на будущий день.

Он лежал, словно мальчик, с разбитой седой головою,
Очень маленький, согнутый, будто в прыжке, пополам.
Кровь застыла. И я аккуратно ступила ногою,
Чтоб его не задев, без задержки пробраться к дверям.

Был он немцем, прожившим всю долгую жизнь в Ленинграде,
На заводе работал, как все не щадя своих сил,
Но считал он себя виноватым в войне и блокаде,
Словно с родиной предков он все преступления делил.

Дал он клятву жене до войны, после гибели сына,
Что её никогда не оставит он в горе одну.
И сдержал своё слово, но сразу же землю покинул
После смерти жены, не сумев пересилить вину.

Хорошо положение тела при вспышке запомнив:
Чуть коснешься ногой – и полметра направо отмерь, –
В темноте я отныне ходила за хлебом спокойно.
Он неделю лежал, заслоняя набухшую дверь.

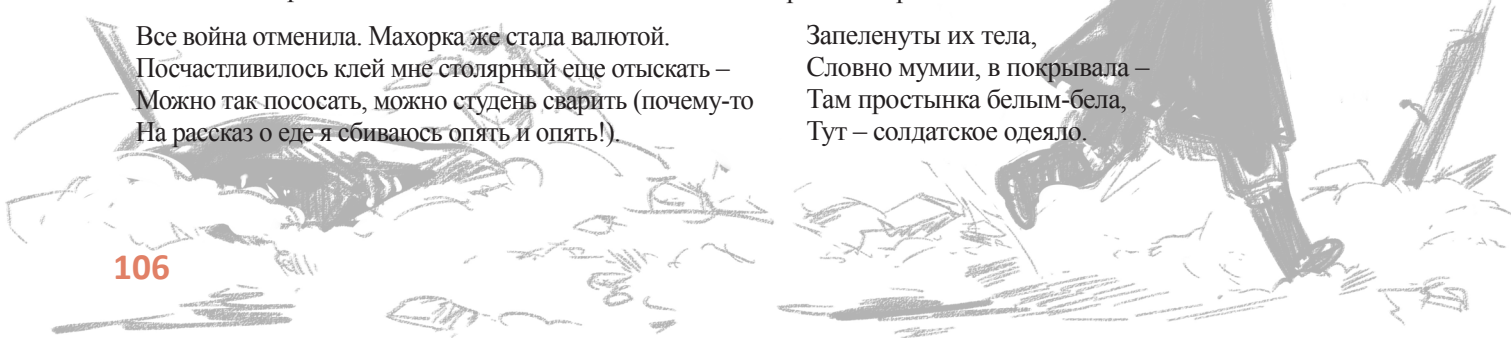
Это было, когда разучилась смеяться и плакать,
Чью-то смерть принимать, как возможную долю свою.
Чувство долга осталось да чувство холодного страха:
Не достать нынче хлеба. Оставить без хлеба семью.

Комендантский час до пяти.
В подворотнях маячат тени,
Чтобы к булочной поползти,
Если ноги тебе не изменят ...

Мне казалось тогда – бегом,
А, наверное, тихо шла я:
Бесконечно тянется дом
И мороз под кожу вползает.

Подворотни открыли зев,
Изрыгнув спеленутых туго
Тех, кто в землю лечь не успев,
Обречён погребенью вьюгой.

Запеленуты их тела,
Словно мумии, в покрывала –
Там простынка белым-бела,
Тут – солдатское одеяло.

Но развёрнуты сплошь почти
До засохших ягодиц трупы.
Только глаз скошу по пути –
Мышцы мёрзлые кормят скупо.

Икры срезаны с тощих ног,
Снят до пояса ломоть тонкий.
Не суди: может быть, помог
Этот мертвый спасти ребенка.

А на срезах застыл узор
Белых плёнок и сухожилий.
Отвернулся от мёртвых двор,
Где они до кончины жили.

Протрясётся здесь грузовик,
Подберут за день, что успеют,
И направятся напрямик
К бесконечным братским траншеям.

Далеко ещё до угла,
Но чернее зимнего неба
Встала очередь. Приросла.
Тихо ждут насущного хлеба.

Привезут ли – нет до восьми,
Хватит всем, неостанет многим?
Стылый пар стоит над людьми,
Стылый снег разминают ноги.

Чтоб своим землякам помочь,
Выпечь хлеб – наш блокадный воздух,
Где-то там комсомольцы в ночь
По цепочке носили воду ...

Поредел над крышами мрак.
Хлеба первый кусок отмерян,
И продвинулись мы на шаг
Ближе к самой заветной двери.

Но не все. Кто-то тихо сполз,
Распахнув глаза изумлённо ...
Провожали тогда без слёз,
Умирали тогда без стопа.

Тонкий штрих онемевших губ ...
Смерть проходит частым гребнем:
Огибает очередь труп –
И не первый, и не последний.

Наконец, уже за углом,
Чуть живей от надежды позы.
Запах хлеба чую нутром.
Кто сказал, что он с целлюлозой?

Вот и втиснулись мы за дверь.
Впереди коптилка мигает:
Раз отрежь, десять раз отмерь,
Гирьки мелкие добавляя.

От весов не отводят глаз,
Слюни сглатывая упрямо.
Сколько карточек – столько раз
Будет вывешен хлеб до грамма.

Здесь немного легче терпеть –
Ветра нет и буханки видим,
В хлебом пахнущей темноте,
В тесноте и порой – в обиде:

Не хватило ... бреда опять
(Тёмный город ветром исхлёстан)
Нераспроданный хлеб искать
За реку по Тучкову мосту.

Может, выдадут горсть муки –
Кипятком завари да жуй-ка,
Разводи в воде и пеки,
Сковородку ладь на буржуйку.

Жаль, что вычислили припёк,
И мучицы совсем немного.
Глеет в булочной фитилек,
Освещающая путь до порога.

Прижимая к себе муку,
Колеёй бывшего трамвая
Я бегу (все же я – бегу!),
Комендантский час обгоняя.

Ночь смыкается в двух шагах
И «Спасите!» как крик в пустыне.
За расчётливый этот страх
Жжёт меня стыдом и доньне.

Что могла я в 15 лет,
В темноте былинкой шатаюсь?
Всё равно – оправдания нет.
Я жива. А другой – не знаю.

Голос, кажется, был мужской
И такой далёкий, далёкий ...
Не выпрашиваю покоя,
Наказанию нету срока.

Этот крик до скончания дней
В тишине и вихре событий
Бьётся болью в душе моей,
Упрекает меня: «Спасите!»

Трупы убраны. До утра
Отливает снег белизною ...
Я у дома. Пришла пора
Брать подъём с ледяной корою.

ВОДА

«Мосты нависли над водами»...
Но воду как достать из вод?
Гранитных набережных камень
Закован в первозданный лед.

И на речной с него спуститься,
Воды прозрачной зачерпнуть –
Как будто перейти границу,
Назад не обеспечив путь.

Над лункой конусом вулкана
Бугрится, замерзая, лёд,
И вереница детских санок
С бачками, вёдрами ползёт...

Под гору медленно слезая,
И оступаясь, и кренясь,
Цепочка тянется живая
Как муравьиной тропки вязь.

С ладоней обдирая кожу,
На ледяной бугор ползу
И нету в этот миг дорожки
Воды, что плещется внизу.

Её мы, помнится, вначале,
Покуда доставало сил,
Ведром из проруби таскали,
А ветер брызги относил.

Потом, когда не стало мочи
И у черты береговой,
Пролитою водою смочен,
Разросся конус ледяной.

То в прорубь стали на верёвке
Спускать кастрюлю и бидон.
Руками слабыми неловко
Вытаскивали их на склон.

Расплёскивая половину,
С заклятием «Не оступись!»,
Порою падая на спину,
Скользили по откосу вниз.

Прольёшь – и лишний раз придется
Карабкаться на тот бугор...
Ах, деревенские колодцы,
Соседок бойкий разговор.

Вся довоенная деревня
В неиссякаемом труде
Была сродни ты с миром древним,
Причастным к хлебу и воде...

Здесь в тишине и напряженьи
(вползти, поднять, не расплескать)
Маячат в очереди тени,
Срываются, ползут опять.

Но это всё ещё полгоря,
А вдвое – крестный путь начать,
С обледеневшим камнем споря,
На берег сани волоча.

Наверх вскарабкаться с водою,
А через день идти опять.
Так, может лучше снеговой
Пустую жажду утолять?

По долгой лестнице взбираясь,
Поднимешься десяток раз
И сляжешь. Значит снеговая,
Хоть безопасней, не для нас.

Мы с мамой по воду ходили,
Вдвоём и горе – не беда,
Но не всегда таких усилий,
Я помню, стоила вода.

Не знаю, что вначале было –
Тот невольный ледяной бугор,
Куда в морозы мы ходили,
Или тропа на задний двор.

Там в старой прачечной из крана,
Во тьме укрытого от глаз,
Вода сочилась неустанно,
Как будто бы жалела нас.

И это было несомненно
Большой удачей. Только вот
Лежали штабелем вдоль стенок
Те, кто воды не наберет...

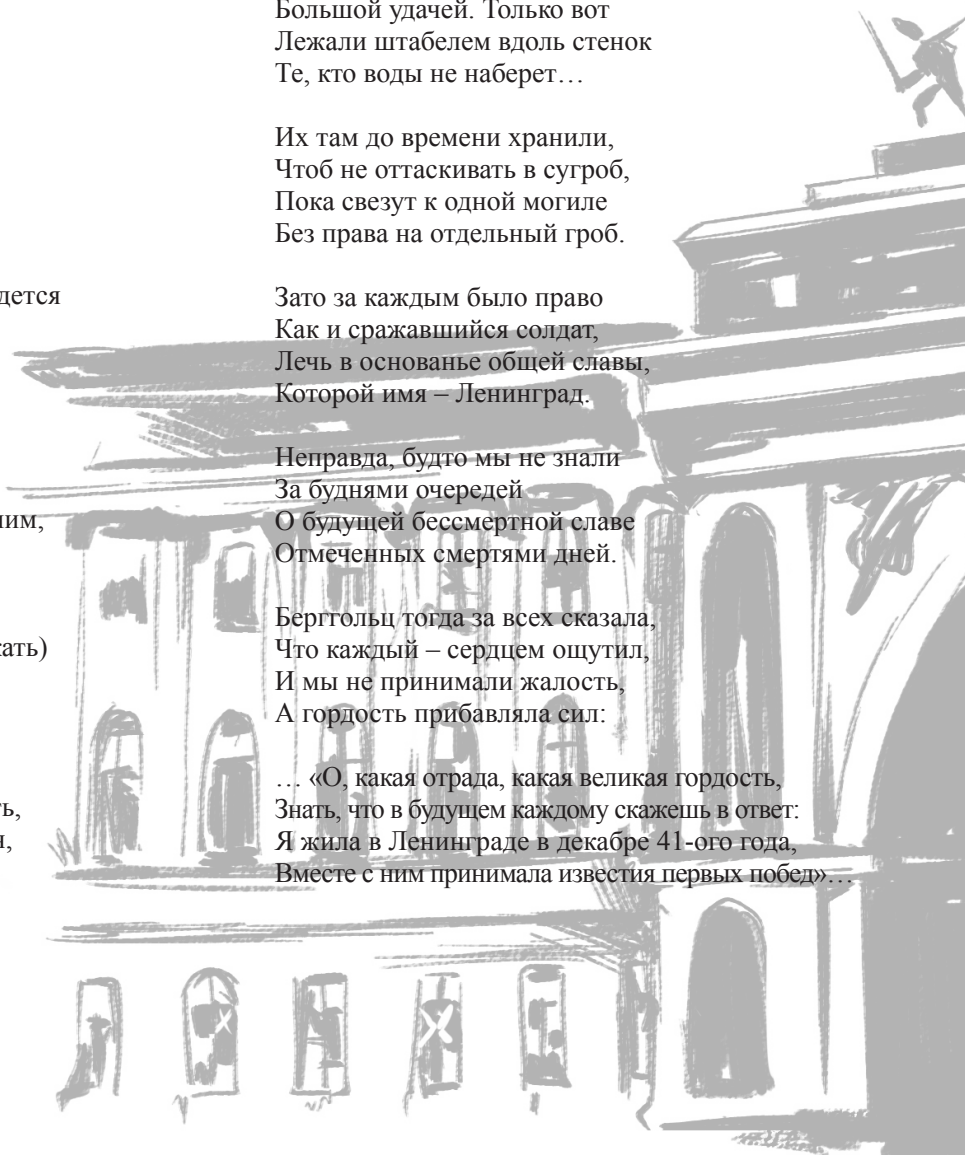
Их там до времени хранили,
Чтоб не оттаскивать в сугроб,
Пока свезут к одной могиле
Без права на отдельный гроб.

Зато за каждым было право
Как и сражавшийся солдат,
Лечь в основание общей славы,
Которой имя – Ленинград.

Неправда, будто мы не знали
За буднями очередей
О будущей бессмертной славе
Отмеченных смертями дней.

Берггольц тогда за всех сказала,
Что каждый – сердцем ощутил,
И мы не принимали жалость,
А гордость прибавляла сил:

... «О, какая отрада, какая великая гордость,
Знать, что в будущем каждому скажешь в ответ:
Я жила в Ленинграде в декабре 41-ого года,
Вместе с ним принимала известия первых побед»...

Стоял декабрь. Тех, кто не дожил,
Убрали временно во двор,
И штабель был из трупов сложен,
А сбоку – узкий коридор.

Впервые пробираясь к крану,
Прижалась к каменной стене;
Тогда ещё (скрывать не стану)
Холодный страх подполз ко мне...

Затем уже вошло в привычку,
Рукой нащупывая путь,
Не зажигать пугливо спичку,
Боясь по сторонам взглянуть.

Нет, я не становилась смелой,
Но день за днём, за пядью пядь
Внутри спасительно тупело
Всё, что могло ещё страдать.

Потом носили снег и лёд мы,
(А ноги всё носили нас),
Срезая слой за слоем плотный,
Я снегом набивала таз.

Отец крушил какой-то столик
И в печь подкидывал дрова.
Водой, горячею до боли,
Усердно мылась голова.

Мои распухшие суставы
Вода от боли берегла.
Как мы ценили, Боже правый,
Те крохи влаги и тепла!

Незримо заматают годы
Покровы снежной целины,
И позабыла я про воду,
Которой не было цены.

Лишь возвращаясь в эту пору,
Ползу с ведром я без конца
По ледяному косогору
Под белым взглядом мертвеца...

ТЕПЛО

Как тянуло к себе, расслабляло, влекло,
Завораживало тепло...
Как вливалось оно уходящие силы,
Загораживало от могилы!

Ледяные, заиндевелые дома,
Заколочены окна фанерой.
Свирепеет безжалостная зима –
Испытанье надежды и веры.

Тёмным айсбергом каждая крыша встаёт,
Тянут невские проруби паром...
Тихо-тихо (разрывы снарядов не в счёт).
Всё застыло (не в счёт и пожары).

Но на мёртвых фасадах дыханием губ
Клубы пара морозного тают:
Окружённые в крике отверстия труб
И дымков голубиные стаи.

Это – печки-буржуйки. Из давней поры,
Из гражданской, казалось забытой.
Кто как мог доставал, покупал, мастерил
Средоточие жизни – не быта.

Чтобы не был огонь умирающе скуп,
Не скупились на корм ему люди.
Здесь из крошек варили питательный суп
И из клея столярного – студень.

Печка – это глоток кипятка, это жизнь
И возможность помыться немного.
Без тепла, как без хлеба – покорно ложись
В ледяные кровати-сугробы.

Всё сначала казалось нестрашным – дрова
Запасали и раньше для кухонь,
А у многих и печи топили. Сперва
У буржоек воспрянули духом.

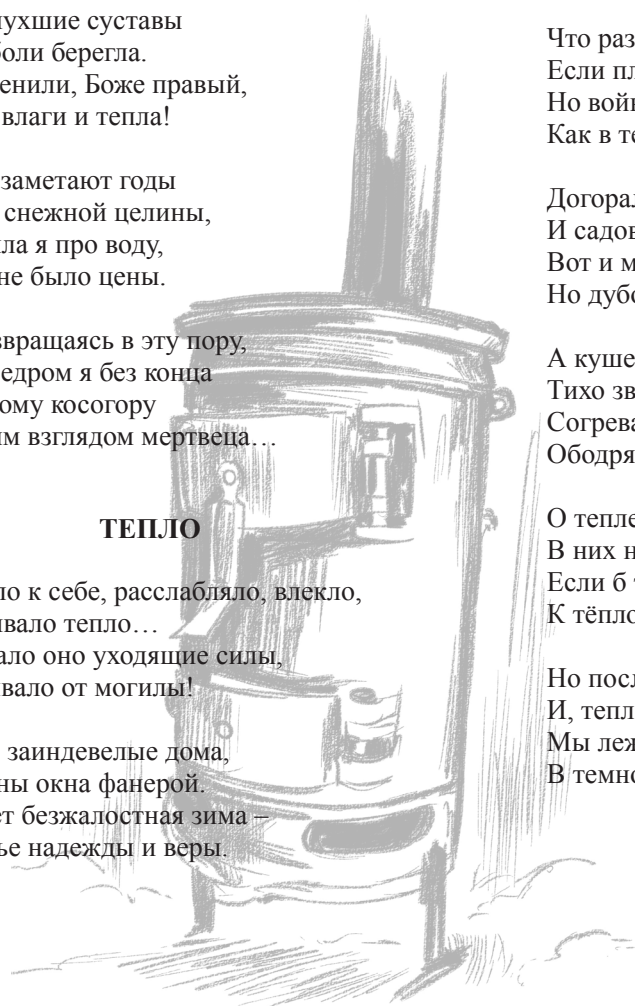
Что разбитые стёкла и лютый мороз,
Если пламя гудит как живое!
Но война продолжалась. И выполз вопрос –
Как в тепле продержаться зимою?

Догорали дрова; не хватало досок
И садовых скамеек не стало,
Вот и мебели вышел положенный срок,
Но дубовая – насмерть стояла.

А кушетки, козетки и вся дребедень,
Тихо звякнув пружинным звоночком,
Согревала в короткий и хмурый нас день,
Ободряли в блокадные ночи.

О тепле тосковали мы в очередях –
В них не стало бы силы стоять мне,
Если б только не знала, что к ночи придя,
К тёплой печке прильну я в объятья.

Но последнюю щепку огонь пожирал,
И, тепло до утра экономя,
Мы лежали под целой горой одеял
В темноте, в остывающем доме.

Напряжённно и мерно стучал метроном,
Отбивая секунды покоя.
Если вдруг на разрыв резонировал дом –
Это, думалось, там, за рекою.

А когда метроном, запинаясь, частил,
Мы все также недвижно лежали:
Очень страшно с теплом расставаться в ночи,
Брешь проделать в норе – одеяле.

Знали только, что если меняется ритм,
Значит, город бомбят. Но не смели
Мы остатки тепла растерять до зари
И вернуться к холодной постели.

Занимался дровами и топкой отец.
С глянцевиитою кожей, отёчный,
Мог он двигаться тихо, с трудом (не жилец!),
Но сидел у буржуйки до ночи.

Неподвижно и молча следя за огнём,
Сохраняя гудящее пламя,
Словно видел далекое прошлое в нём,
Прозревая, что станется с нами...

Что вставало, когда поправлял кочергой
В потухающей печке полено?
Гибель преданной крепости в той мировой,
Унижение германского плена?

Как в открытых вагонах везли за Берлин
Полумёртвых, заеденных вшами,
И мочились на головы бюргеры им
Прямо с арок мостов над путями?

Жил не месяцы – годы на брюкве гнилой,
Дважды бегал – и дважды ловили...
После брестского мира вернулся домой
Воевать на гражданской. О тыле

В эти годы помыслить он просто не мог.
И достало и духа, и силы!
Чуть мерцает, как в давнем костре, уголёк...
Стужа, голод, обстрелы – всё было.

Снова пламя взметнулось, и искры летят,
И ничто нам сердца не остудит –
Не умрёт Ленинград, устоит Ленинград,
Этой верою держатся люди!

ИЗ РАЗДЕЛА «ЭВАКУАЦИЯ»

По радио песню поют о войне –
Снеге кровавом, снеге горячем ...
И снег той зимы припомнился мне,
Но только был он окрашен иначе:

На каждом разъезде – загаженный снег,
Бурая корка в крови и слизи,
Но это значило – жив человек,
Сегодня сам из теплушки вылез.

Прошёл он с эваколистом на вокзал
Хлеб получил и ещё приварок,
А, может, назавтра уже лежал
В своих нечистотах, примёрзший к нарам ...

Весной, под откосы сбегая ручьем,
Истаял пласт и смешался с пылью ...
Про этот снег никогда не поём,
Мы даже о нём почти забыли.

НОЯБРЬ 1941–НОЯБРЬ 1944 гг.

Всегда в ноябре одно и то же –
Ранний закат, поздний рассвет,
Но этот пришёл и старше, и строже
На целую сотню суровых лет ...

Прожекторы небо рвали на части,
В полёте таяли сотни ракет,
И было большое тревожное счастье,
Которого в тихие ночи – нет.

Счастье, что смерть не подходит ближе,
Счастье, что вижу внизу Неву,
Счастье, что гордый мой город вижу,
Счастье, что с ним борюсь и живу ...

Ушли в легенду осадные ночи,
Счастье победной песней поёт,
Но в этот праздник смеяться не хочет,
Если не я, то сердце моё.

Хотелось бы маршем пройти суровым,
А рядом – друзья из чердачных отсеков,
И видеть израненный город снова,
И видеть нового человека,

Который жизнь удержал, как знамя,
И может с гордостью называться
Словом весомейшим меж словами –
Достойным именем Ленинградца.

Иллюстрации В.Ю.Козловой

Я знаю, это случится не скоро,
Поступью лет, через горе и жалость,
Но я вернусь в свой любимый город,
Где сердце моё навсегда осталось.

Проспекты в детстве казались шире,
Родимый дом не найду, может статься,
Но будет радость, с которой в мире
Наверно ничто не может сравниться!

СОН

Небо серое, осеннее,
Грозный гул – и тишина ...
Что это? Землетрясение,
Мирный взрыв или война?

Дом к земле всё ниже клонится ...
Убыстря плавный ход,
За качнувшейся оконницей
В небо улица плывёт ...

В ожидании неизбежного
(Гром обвала ... Смертный страх ...)
В стылом воздухе разряженном
Только кровь звенит в висках.

И когда уже нет дыхания,
Сердцу смолкшему подстать,
Замерев в поклоне, здание
Распрямляется опять.

Скоро сорок лет исполнится,
Как в осенний небосвод
За качнувшейся оконницей
Ночью улица плывет ...

